

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. – М., 1964.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. – М., 1978 (в работе использовался электронный вариант словаря).

Преобр. – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 3 тт. – М. – Л., 1949.

Н.В. Комлева
Вологда

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ПЬЯНСТВО» (по данным Словаря вологодских говоров)*

Большой академический словарь русского языка определяет понятие *пьянство* как «*постоянное чрезмерное употребление спиртных напитков; болезненное пристрастие к спиртному*» [БАС 11, 1811]. Концепт *Водка и пьянство*, отражающий одно из основополагающих понятий русской культуры, достаточно велик по объему входящих в него компонентов. Одной из основных его составляющих является представление о том, что «в России выпивают не для удовольствия вкуса, не для того, чтобы «отведать», той или иной водки, пьют, чтобы опьянеть, - просто «водку». И, конечно, помногу» [Степанов: 300].

Лексика современных вологодских говоров репрезентирует различные уровни этого концепта. Лексемы, имеющие отношение к семантической сфере «пьянство» и зафиксированные в «Словаре вологодских говоров» (далее СВГ), могут быть рассмотрены с разных позиций. Остановимся на ономаσιологическом и коммуникативном аспектах изучения.

1. Ономаσιологический аспект. Под семантическим полем, или лексико-семантическим полем, обычно понимается группа слов одного языка, тесно связанных друг с другом по смыслу, объединенных общим значением, отражающая в языке определенную понятийную сферу. Описание лексико-семантических групп, функционирующих внутри семантического поля, происходит по денотативно-системному принципу, т.е. ведущими оказываются ономаσιологические характеристики [Черепанова: 21]. Выявление мотивационных моделей в пределах семантического поля, типов и принципов номинации, характера внутренней формы лексических единиц позволяет изучать представления об определенной сфере жизни народа.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-04-268а) «Систематизация лексического фонда современных вологодских говоров».

Путем фронтального просмотра СВГ было выявлено порядка 130 лексических единиц, относящихся к данной семантической сфере, в которой выделяется несколько ЛСГ ядерной и периферийной зон.

1. Ядро поля. В центре поля находится лексика со значением 'пьянство', которая объединяется в несколько ЛСГ. Семы 'пить', 'пьяный' являются ядерными в структуре лексического значения рассматриваемых лексем.

1.1. 'Пить, пьянствовать'. Данный сектор ядра формируют 11 глагольных лексем и 3 фразеологические единицы.

Среди них выделяются лексемы, выражающие идею «пьянствования» как процесса постоянного и неумеренного употребления спиртных напитков: *бра́жничать, мутováть, залыга́ть, кати́ть, хлыста́ть, пьянничать*. Ср.: *Этот из а́рмии пришёл, так муту́ет, пя́тый день пьёт*. К-Г. Навол. *Наку́пят во́дки-то и кати́т дня́ три*. Сямж. Выс.

Этот же мотивировочный признак лежит в основе устойчивых сочетаний: *Люби́ть стака́нчик* — 'иметь пристрастие к спиртным напиткам': *А ей да́ром ребя́та — стака́нчик люби́т*. Тарн.; *Впусти́ть себя́ в пъя́нку* — 'Начать злоупотреблять спиртными напитками': *Никола́й о́чень са́м себя́ в пъя́нку впусти́л, дак Ири́нка жа́лобится на него́*. Сямж. Монаст.

Семантическую модель 'Выпить (водки, вина)' представляют глаголы одноактного способа действия: *дербану́ть, дробы́знуть, жорну́ть, ко́кнуть, яры́кнуть*, а также фразеологизм *шары́ зацу́рить*. Ср.: *Ну и мужи́к! Не успе́ет из до́му вы́йти — уж дербане́т где́-то вина́! Опя́ть ве́дь пъя́ный пришёл*. Ник. Осин. *Он всегда́ рад шары́-то зацу́рить. Пока́ последнюю копе́йку не пропьёт, дак не успоко́ится*. В-У. Пал.

1.2. 'Пьяница'. Данный сегмент представлен именами существительными со значением лица. 17 лексем представляют одну семантическую модель 'тот, кто много пьет, пьянствует': *выгля́дывало, запойщи́к, лямза, промока́шка, пропива́йло, пропиво́ха, пропиту́ха, пъя́ник, пъя́нуха, рязгу́ла, слю́нда, спóек, спóйка, тарты́га, шаромы́жник, шата́ла, шумэ́ра*.

Здесь же группируются имена прилагательные и фразеологизмы, которые реализуют семантическую модель 'Характеристика человека по наличию / отсутствию состояния алкогольного опьянения': антонимическая пара *твере́зый — нетвере́зый*, т.е. 'трезвый — нетрезвый'; устойчивые обороты *Не сиде́ть на но́ге* и *Не сто́ять во ста́ву* в значении 'плохо стоять, не держаться на ногах (о пьяном человеке)'

1.3. 'Степень опьянения'. Этот сегмент ядерной зоны представлен наречием *дозела́*, т.е. 'до сильного опьянения': *Надо́ же бы́ло так напи́ться дозела́! Еле на нога́х сто́ит!* Кир. Ферап. Здесь также отметим 4 фразеологизма: *Пока́ соба́ки мёрду не налй́жут; Соба́ки ро́т лй́жут*. — 'до той поры, пока человек не протрезвеет, не придет в себя (об очень пьяном

человеке)' **Ббльше пѣй, дак не войдѣт. Рогá в зѣмлю, копѣта в нѣбо. Ни пáпы ни мáмы не знáет. – 'о высокой степени алкогольного опьянения'.**

1.4. 'Спиртные напитки'. Последний сектор ядерной зоны представлен 6 лексемами, которые используются для номинации пива, браги – *другáн, другодáн, разóрва* или самогона – *рогóзка, трилѣстик, ханыга*. Ср.: *Другáн тóже с хмѣлем. Иногда и он хорош, и другáном напойт, да добрó*. Сямж. Монаст. *Рáньше на свáдьбы-то разóрвы навáрим, не хуже вóдки*. Влгд.

2. Периферия поля. Лексемы, составляющие ЛСГ ближней периферии обнаруживают в структуре лексического значения семы 'пить', 'пьяный' не как интегральные, а как дифференциальные или потенциальные. Это глагольные лексемы *Жадáть, жевѣйт, жóбрать, лычить* – 'много, большом количестве, пить, есть': *Он только молоко жадáет*. К-Г. Плюек. *А он только вóдку жадáет*. К-Г. Шат. *Жѣвьѣй, как надáвано, а то выходи из-за столá!* Вож. Кубен. *Я не жѣвьó вóдку-то*. Вож. Анциф.

Глаголы *жóбнуть, тóркнуть, тóрнуть* имеют значения 'ударить, толкнуть', а также 'выпить': *Васюк, бывáло, как жóбнет кому́, дак тóко сбрякает*. Вож. Бекет. *Он напилсá, дак кáк тóркнѣт кулакóм в стѣну, только поварѣшка и слетѣла*. Шексн. Кам. *Ну давáй ещѣ жóбнем по мálенькой да и пойдѣм домóй*. Вож. Бекет. *Стóпки зелѣные, большѣе, тут тóркнешь да и остáнешься на однóм мѣсте*. Сямж. Монаст.

Семантическая группа глаголов *заузóрить, зашáять, ошоровѣть, ошунуть, познáмиться, рассаламáтить* в одних из переносных своих значений актуализирует сему 'замутиться в голове вследствие выпивки (о наступлении состояния алкогольного опьянения)'. Ср.: *Мужикá-то у менá как заузóрило!* К-Г. Терех. *Пѣва вѣтила два стакáнчика, дак ошоровѣло менá*. Сок. Чекш.

Имена существительные – такие, как *лѣва* и *рѣска* – представляют особый интерес в аспекте выбора признака номинации. Так, лексема *Лѣва* имеет в СВГ 6 значений: это и лужа, и рытвина на дороге, заполненная водой; низкое сырое или болотистое место; заливной луг; трясина. Последнее значение 'человек, пьющий много вина, пьяница' развилось, по-видимому, на основе ассоциативного метафорического переноса ('предмет' > 'человек' на основе сходства производимого впечатления: пьяница тоже мокрый и речь его производит хлюпающее впечатление): ср. *Младшóй сын-от у неѣ лѣва, всѣ-т не робóтает*. Сок. Андр.

Наименование *рѣска*, вероятно, высвечивает признак пьяного человека неопрятного вида: ср. *Гдѣ-то рѣски ('кусок, лоскут материи') бѣли, нáдо бы найтѣ на заплáты*. Ник. Зелен. и *У нас всѣ однѣ рѣски, пьяницы*. К-Г. Югск. *Нѣту у тя мовó рѣски?* К-Г. Югск.

Ср. также *опóек, опóец, хайлó, ханыга*.

К ближней периферии относятся и два имени прилагательных. *Мутный* – ‘пасмурный’, ср. *У картошки-то не копни, не раскidyвай, небо-то мутное, дак, батя, дождь будет.* Тот. В. Двор. и ‘пьяный’, ср. *Что не идёт работать? Опять мутной, только пьёт.* К-Г. Окул. *Солощой* – ‘обладающий хорошим аппетитом’, а также ‘имеющий склонность к спиртным напиткам’, ср. *Бывали солощье робята.* Сок. Сидорк.

Лексемы, формирующие дальнюю периферию семантического поля «пьянство», не имеют сем ‘пить’, ‘пьяный’ в структуре лексического значения, но отражают различные ситуации и оценки, связанные с социальным феноменом пьянства. Многие из этих лексем, а особенно контексты, в которых они употребляются, представляют интерес с позиций коммуникативного анализа.

II. Коммуникативный аспект.

В народной речи, отраженной в СВГ, слова активно осмысляются и оцениваются говорящим. И.Т. Вепрева в своем определении языковой рефлексии сближает ее с оценкой: «Обостренное личностное начало современной русской речи усиливает в переломные периоды истории общества и языковую рефлексия говорящего, проявляющуюся в том, что носитель языка дает оценочную характеристику слову и той реалии, которую это слово называет» [Вепрева: 47].

Говорящая личность явно выражает свое отношение к употребляемому слову или выражению. Например, в литературном языке *пир* – это «большой званый обед или ужин с обильным угощением, обычно сопровождаемый различными увеселениями» [БАС 9, 1210]. *Пировать* – устар., народно-поэт. «есть, пить на пиру; принимать участие в пире» [БАС 9, 1210]. Вологодские говоры тоже знают глагол *пировать*, но в значении ‘употреблять вино, спиртные напитки’: *Он-то всё пировал, дак и умер с этого.* Тот. Мос. *Пирует сильно Фёдька-то.* Верх. Ног. *Пастухи-то всё пируют, каждый день пьют да пьют.* Хар. Леб. Этот глагол многое объясняет в словообразовательной структуре и семантических моделях функционирующих в говоре имен существительных. Если в литературном языке *пировать* является производным от существительного *пир*, то здесь, вероятно, *пировка* и *пировство* и в семантическом и формальном отношении мотивированы глаголом: *У жениха нагостятся, потом пойдут к невесте, там опять пировка.* Сямж. Голуз. *Парни-то на пировку пошли.* Гряз. Аксен. *Я пришёл с караулу, а у них пировство, я их выгнал.* К-Г. Плоск. Показательна в этом отношении и лексема *непирующий*, особенно в значении ‘безалкогольный, отмечаемый без алкогольных напитков (о празднике)’: *А непирующие-то праздники – дак это Иванов день, Тихвинская, ныне-то уж не пьём, а ране пировали.* Сямж. Монаст.

Подобные метаязыковые комментарии по поводу употребления актуальной единицы в естественной речи называются рефлексивами. Ср. также: *Пьяниц дак всяко зовём: и шатала, и бражник, и запойщик*. Влгд. Сяма. *Запойщик муж твой. Трезвым отродясь не видывала*. Влгд. Сяма. *Да и шумерой-то егб нельзя назвать: немного пьёт*. Влгд. Сухол.

Контексты, в которых употребляются лексемы с общим значением «пьянство», позволяют увидеть, как сами информанты объясняют свое пьянство или пьянство своих близких, какую оценку дают этой стороне жизни односельчан. Так, например, пьянство становится причиной следующих негативных для самого же пьющего человека последствий: 1) потеря работы: *Бражничают, и снесли со старшин*. Кир. Барх.; *Опётъ опьёция, дак с работы погонят*. Верх. Боров.; 2) развод (или расстройство отношений) с супругой: *Тожже водку хлыстал – она с ним и разошлась*. Сямж. Рассох.; 3) сильное алкогольное отравление, иногда до летального исхода: *В соседнем-то дому мужик ночью набарзлся, дак скорая приезжала*. Сок. Нестер.; *Мужик ноне опьУся, дак увезли в больницу*. Сок. Нест.; *А кто тил эту водку, все и закатались*. Хар. Макаар.; *Куланёнок и Юра Фёдин, два выглядывала, нашли у ветеринара на ферме какого-то лекарства на спирту и нажрались, и тут же, в эту ночь очурились*. Сок. Чучк.; 4) травматизм: *Пьяной быУ, заводьУ мотор, да и выкуликнулся*. Межд. Доров.; *СулиУсе в гости в деревню, да вот пьяной и катнуУсе* (т.е. убили, расшибся насмерть) *на машине*. Вож. Вас.; 5) драки, нанесение ущерба своему и чужому имуществу: *Мужики-то нажорались, да и разодрались*. Сямж. Собол.; *Кольки домов нарешили, пьяные были*. Тарн. Заречье.; *Колья ёхал на тракторе пьяной, два прясла вынес*. Ник. Скокч.

Крайне частотны контексты, в которых содержится оценка степени алкогольной зависимости или алкогольного опьянения: *Дедко у меня выпить любит, как отлучится куда, так и налечится*. Влгд. Свет. *Он ведь до бессознания жорёт вин-то*. Верх. Боров. *Вчерась промокшика Тёлик-то приходил за бутылкой, дак ведь как уж и неживой*. У-К. Марк. *Ну разве ж не пьяный человек? На него и посмотреть-то страшно. Идёт – рогá в землю, копыта в небо*. Кир. Ферап. *Так натился, штё ни наны ни мамы не знает*. К-Г. Плюск. и т.д.

Маркером отрицательной оценки в подобных высказываниях выступают наречия *опять* и диал. *напроход* (постоянно), ср.: *Опять ведь пьяный пришёл*. Ник. Осин. *Сосёд опять нажадався*. Ник. Нагав.; *Опётъ Венька пьяный пришёУ, во ставу не стойт*. Хар. Панов. *Опять натился дозелá!* Сямж. Рам. *Он пьяной напроход бывáет*. Сок. Захар.

Следующие метаоператоры создают семантическую оппозицию «теперь, ныне – раньше»: *Пярни-то топёрича облапушатся, глазá нальют и так на танчи и пойдут*. К-Г. Барак.; *Молодёжка нынче папирóсины*

күрит да водку хлещет. Сямж. Рам.; Как прázдник, так опóйков полно, да и без прázдников хватáет. Рáньше-то так не тóли. Тот. Погор.

Более всего пьянству подвержено мужское население, но есть контексты, высвечивающие и картину женского алкоголизма: *Посмотри́-ко, где ты так насобóровалась. Вся в грязи́. Сок. Чекш.; Ой, сколь нарядна, а облапу́шилась – сра́м-то какой. К-Г. Барак.; Что он – пьяница, что она – пропиту́ха, вме́сте водку пьют. Влгд. Сяма.; Если кака́я стару́ха и попаде́тся соло́щая, дак и напьётся. Тот. Б. Горох.; Пришла́ под тура́хом. Влгд. Сосн.; В Юбилéйном-то и ба́бы все такие. Работать не охóта, перепе́чи настоящие, пьянчүги все. Тот. Погор.*

Следует отметить, что чаще всего оценка пьянства исходит именно от женщин: *Мóторно* (т.е. позорно, недостойно, стыдно) *девушке-то за пьяным ходить*. Баб. Кокш. *На этóго пьяницу никако́й наде́жи (надежды) нет.* Межд. Барск. *У меня́ му́ж-то у́мер, а путя́щего найти́ я бо́льше не смогла́, всё пьяницы попада́лись, я пьяниц страсть как не люби́ла, да и не люблю́.* Тот. Погор.; *Спóйки одни́ мужики́-то. Все́ пьянствуют.* Влгд. Сяма. Женщина и страдает, как правило, от пьянства своего супруга: *Полде́ла (хорошо, легко) тебе́, муж всё сде́лает, а у меня́ пьяница.* Межд.; *Хозяин спьяну купо́лызнул в меня́, да госпо́дь отве́л, жива́ оста́лась.* Гряз. Михалк.; *Не ува́жь егó пьяного – он все рёбра перевихáет.* Тот. У.-Печ.; *Ва́нька пришёл до́мой пьяный да и прозвизди́л Ма́ньке лоб.* Тарн. Будр.

Примечательно, что среди причин, вследствие которых человек спивается, указываются следующие факторы: 1) наследственная предрасположенность: *А напро́тив её же́нщина жила́. Она пьёт, дак её прозва́ли погоня́лка. И дети еённые то́же все погоня́лки бу́дут.* Кир. Ферап.; 2) недостатки воспитания: *Воспита́ли так, вот и же́вьят вино́.* Вож. Сурк.; 3) природная лень человека: *Вот пьяницы-то ходи́ли и зимогóрили, лён рабóтать до́ма бы́ло, вот и броди́ли.* У-К. Голен. Заметим, что в большом иллюстративном материале СВГ не встретилось ни одного контекста, где бы говорилось об отсутствии рабочих мест на селе, низкой зарплате, пагубной политике государства или др.

Еще один контекст – вероятно, в силу присущей ему восклицательной интонации – сигнализирует о чрезвычайной редкости обозначенной им ситуации: *Мужик-то тверёзый идёт!* Сямж. Еск.

Семантическая сфера «пьянство» в лексике вологодских говоров формируется многочисленными лексемами, имеет богатую и четко структурированную ядерную зону с высокой степенью конкретизации изучаемого явления. Анализ процессуальной лексики позволяет сделать вывод о том, что эта группа лексических единиц в вологодских говорах особенно многочисленна, актуальна для диалектоносителей и активна в использовании. В СВГ мы имеем дело со спонтанными высказываниями, в кото-

рых вероятность появления метаязыковых комментариев значительно выше, чем в заранее выстроенных текстах. В связи с этим еще одним аспектом, в котором может быть изучена интересующая нас лексика, является аспект коммуникативный, а именно – наблюдение речевой рефлексии носителей говора.

Словари

БАС – Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1-17. – М.; Л., 1948–1965.

СВГ – Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г. Паникаровской. – Вып. 1–12. – Вологда, 1983–2007.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001.

Литература

Вепрева И.Т. О функционально-системной организации рефлексивов // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998. – С. 28–29.

Черепанова О.А. Типы и способы номинации как характеризующие признаки тематической и лексико-семантической группы слов (к постановке проблемы) // История русского слова: Проблемы номинации и семантики: Мезвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 1991. – С. 20–27.

Н.А. Красовская
Тула

СОВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА ЕГО РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ

Язык как основная культурная доминанта любого общества может не только существовать в самом себе и для себя (вспомним, как говорил об этом Ф. Де Соссюр: «...язык, рассмотренный в самом себе и для себя» [Соссюр: 321]), но и определенным образом быть связанным с социумом и отношением носителей языка к нему. Хотя, конечно, оговоримся, что для глобального, длительного, не сиюминутного существования самой языковой системы выражение отношения общества к ней в малый период времени, по всей видимости, является не столь значительным. Здесь мы сталкиваемся с очень интересной и сложной проблемой развития языка. Ее касались все выдающиеся лингвисты, например, у Э. Косериу читаем: «Проблема языкового изменения явно заключает в себе глубокое противоречие. В самом деле, уже то, что мы обсуждаем эту проблему... подразумевает, очевидно, естественную устойчивость, нарушаемую и даже отрицаемую развитием, которое представляется противоречащим самой